

Краммер Стэнли

21.02.2001

Этот безумный мир

Известия. — 2001. — 21 февр. — с. 31

Великий режиссер пытался изменить сценарий истории

Кончина кинорежиссера Стэнли Крамера, которого отечественные кинозрители со стажем помнят прежде всего по фильмам «Нюрнбергский процесс» и «Этот безумный, безумный, безумный мир», — событие значимое для истории мирового кино. Но оно значимо и в общественно-политическом смысле. Особенно для тех из нас, кто жил в советскую пору. Тогда шла холодная война, тогда был железный занавес, и всякое дуновение западного ветра воспринималось с особой благодарностью. Фильмы Крамера были таими «дуновениями». Они означали потепление политического климата. Сегодня после жаркого лета в отношениях Запада и Востока вновь похолодало. Политики начинают холодные войны, а художники как могут их смягчают.

Берлинскую стену разрушили политическая воля и сила воображения

Сила воображения. Кадр из фильма «Это безумный, безумный, безумный мир»

Валерий КИЧИН

То, что мы считали антибуржуазным мировоззрением, идеально сработано по законам рынка: бизнесмен Крамер не был ни коммунистом, ни даже просто «левым», он искал для независимой студии еще не занятую Голливудом нишу — и точно ее нашел: кино протеста. Кино «крамольное» и по идее запретное, оно как бы подрывало основы буржуазного строя. Оно высмеяло этот строй в «Безумном мире» так едко, что Крамер для советской пропаганды стал подарком. В США времен Маккарти на него завели дело — на Московском фестивале 1973 года ему вручили приз за совокупность прогрессивного творчества.

Это было необыкновенно талантливым и глубоко индивидуальным кино. Странным образом сочетающее тенденциозность и обнаженный публицистический нерв с близким нашим сердцам романтичностью. Энергия протеста накопилась в Крамере еще с юности, когда студента Нью-Йоркского университета пригласили в Голливуд, которому нужна была свежая кровь, — мероприятие кончилось крахом. Но крах пошел в дело: работая в бюро исследований студии MGM, Крамер дотошно изучил ожидания зрителей — и потом всю жизнь утолял тайную жажду «крамолы».

Григорий Чухрай о Стэнли Крамере

Со Стэнли Крамером мы встречались как друзья, которые делают одно полезное дело. На одном из Московских фестивалей он неожиданно предложил вместе поставить картину о Сталинграде. Я был занят на другом фильме — увы, постановка так и не осуществилась.

Его фильмы пользовались у нас большим уважением, а он сам с огромным интересом относился к нашему кино. Дружил с Марком Донским,

который в мире считался живым классиком. И когда мы снимали фильм о Донском «Я научу вас мечтать», он охотно снялся в нем со своими воспоминаниями. Всегда был энергичен, общителен и кино понимал как единый мировой процесс. Был прогрессивен, то есть убежденно, органически демократичен. Многие только эксплуатируют демократическую риторику. Жизнь и фильмы Крамера возвращают нас к сути понятия.

Не все из этой «американской крамолы» стодилось советской пропаганде. Из всех громких картин Крамера до СССР так и не смог добраться фильм «На последнем берегу» — главное «послание» режиссера. Крамер придал ему такое значение, что сумел организовать одновременную премьеру в главных столицах мира. В антиутопии шла речь о последствиях атомной войны — ужасающая фактурность, переданная на экране, потрясла планету. То, что СССР остался одной

из немногих стран мира, где картина так и не вышла в прокат, лучше всего иллюстрирует двойственность советской политики. Холодная война подпалывалась с обеих сторон, и лишние предупреждения о губительности противостояния нам были не нужны. Поэтому же не вышел у нас и «Корабль дураков» — кинопритча, где корабль был микромоделью плывущего к катастрофе мира. Давненько мы не видим и «Нюрнбергский процесс» — лучший фильм Крамера: более серьезного анализа трагедии немецкого народа, ввергнутого в морок нацизма, игровой кинематограф не знает до сих пор.

Его называли «одиноким волком Голливуда». Его имя все время становилось козырем в чьей-то политической игре: для Америки было примером прославленной свободы идей, для СССР — свидетельством обреченности «старого мира». Его фигура оказалась на передовой линии политической схватки: служила верным орудием «холодной войны» и одновременно

Крамер против Крамера

Крамер считал себя в первую очередь продюсером и потому как режиссер снял всего шестнадцать фильмов (против почти сорока спродюсированных). В числе его работ: «Бунтари» (1954) — социальное кино про байкеров с молодым Марлоном Брандо (оттуда классический диалог, потом сто раз украденный и повторенный: «Против чего бунтуете?» — «А что у вас есть?»), «Нюрнбергский процесс» (1961), антиутопия «Корабль дураков» (1965) с Вивьен Ли, «Благослови зверей и детей» (1971) — драма о трудных подростках, над урезанным вариантом которой в начале 80-х рыдал весь СССР. Для упертого соци-

алиста и борца с эпохой (во всех его фильмах так или иначе звучит тема побега — из тюрьмы, из времени, из пионерского лагеря) Крамер был необычайно удачлив в жанровых отступлениях. Чуть ли не самые известные его фильмы — это беспринципная комедия «Этот безумный, безумный, безумный мир» (1963) (феерические поиски дядюшкиного наследства с участием всех возможных американских комиков от Фалька до Китона) и триллер «Принцип Домино» (1977) с Джином Хэкменом, предпоследний фильм Крамера, сегодня считающийся классикой жанра.

но этой холодной войне противостояла. Ибо открывала для нас, отторженных, окно в мир, и вид из этого окна был совсем не так безнадежен, как учили.

Уход Крамера не просто закрывает еще одну страницу XX века. Он почти символичен: призрак холодной войны снова маячит впереди, распахнувшиеся были горизонты заметно сужаются, и вполне возможно, что мы вновь будем общаться с миром через дозволенные окна и форточки. Только уже без умного Крамера.